

О РИМСКОМ АРХИВЕ ВЯЧ. ИВАНОВА

Д. В. Иванов, А. Б. Шишкин

В конце лета 1924 г. Вяч. Иванов с семьей покидал Россию. Он чувствовал и не скрывал, что отъезд этот будет окончательным, и в Риме, куда он направлялся, начнется новая, последняя эпоха его существования. Рим всегда был свидетелем глубоких духовных событий его жизни.

Вяч. Иванов оставлял за собой многолетних друзей, комнаты на Зубовском бульваре, большую библиотеку, привычные любимые гравюры. С собой он взял то, что считал самым существенным для новой жизни, которая мерещилась ему: рукописи, тетради и блокноты со стихами, над которыми он работал, неоконченный перевод трагедий Эсхила, поэму “Человек”, вырванные из дневниковых тетрадок листочки, некоторые письма, экземпляры первых изданий его сочинений, книги любимых им филологов, сочинения друзей-богословов – Флоренского и Эрнэ. Вез он с собой и рукописи произведений Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. Также путешествовал во время всех скитаний большой портрет Зиновьевой-Аннибал, написанный после ее смерти Маргаритой Сабашниковой. Скитания не прекратились с приездом в Рим. Жизнь протекала в меблированных комнатах и маленьких пансионах – вплоть до спокойных лет в Павийском колледже Борромео и до оседлой жизни на Авентине. На каждом из этих этапов тонкие нити сразу протягивались между покинутым прошлым и новой жизнью. Эмбрионы того, что мы сейчас называем Римским архивом Иванова (РАИ) скоро начали обрастать новыми документами: перепиской с друзьями и семьей и деловыми письмами. Возобновились встречи с западным миром, обмена письмами со многими представителями его культуры – столь разными людьми, как Джованни Папини, Эрнст Роберт Курциус, Мартин Бубер, Габриэль Марсель и др.

При всем богатстве и глубине общения с многими современными ему мыслителями Европы в эпоху между двумя мировыми войнами – необы-

чайно яркое и насыщенное в культурной жизни время – Иванов называл этот период “отшельническим”. Годы “серебряного века”, когда каждое стихотворение, эссе или статья тотчас, немедленно находили себе место на страницах газеты, журнала или альманаха, были в прошлом. Тем большее значение для Вяч. Иванова получал его архив, собственно рукописные и машинописные бумаги.

Большого желания увидеть многие свои работы в печати у него не было. Печатать стихи в СССР он вовсе не хотел, решительно отказавшись в 1928 г. от предложения дать публикацию в “Красную новь”. Начав в 1935 г. сотрудничать с парижскими “Современными записками”, он, тем не менее, сдержанно относился к эмигрантской прессе.

Многие его научные труды и автопереводы останавливались на продвинутой стадии рукописной работы и не доводились до полного завершения. Так например, его немецкая переработка книги “Дионис и Прадионисийство” так и не увидела света. Почти три десятилетия он обдумывал и составлял последний сборник своих стихов, который в одном письме пророчески называл “посмертным”. Разные планы и стихотворные автографы этого сборника составляют драгоценную часть архива.

Рукописи РАИ запечатлели волю автора проверить, развить, уточнить ранее выраженные мысли или достигнуть последнего совершенства поэтического выражения. Особо это касается переводов его сочинений на европейские языки. Иванов всегда настаивал на том, чтобы ему посылали на проверку переводы его стихов и прозы. Проверка переходила иной раз в радикальную переработку – когда, разумеется, дело шло о языках, на которых он свободно писал сам – немецком, французском, итальянском, в меньшей степени английском.

Стихотворный перевод на итальянский поэмы “Человек” возбудил, например, живую реакцию – хвалебную и полемическую. Переводчик, Ринальдо Кюфферле, часто не соглашался с доводами своего собеседника, или, вернее корреспондента, ибо дискуссия проходила в письмах, которые шли из двух итальянских городов. Многие версии, предложенные автором, делались новой оригинальной формулировкой изначальных стихов.

В РАИ хранятся рукописи, наброски, случайно записанные на старом конверте размышления, которые свидетельствуют о новых поисках. Медленно выявляются первые черты “Повести о Светомире царевиче”. Не спеша и не думая о завершении писал и переписывал поэт свое последнее произведение о прошлом и одновременно будущем. Оно мыслилось как развивающееся с ходом времени, обновляющееся в своих соотношениях с меняющейся реальностью. Вячеслав Иванов как будто знал, что его наследию предстоит чрезвычайно изменчивая и насыщенная событиями жизнь после его смерти.

Выход в свет в Оксфорде стихотворного сборника “Свет вечерний” в 1962 г. и начало в 1971 выхода брюссельского Собрания сочинений стали не завершением, а только этапом в этом развитии.

Вяч. Иванов умер в Риме 16 июля 1949 г.; его тело покоится на кладбище “Тестаццо” у подошвы Авентинского холма. На Авентине на третьем этаже дома по улице Леон Баттиста Альберти, 25, он прожил последние 10 лет. Решение оставить Архив в Риме – городе, тесно связанном, духовно и биографически, со всей жизнью поэта – было принято его наследниками – дочерью Лидией (1896 – 1985) и сыном Димитрием (1912) сразу после смерти отца. Архив мыслился ими как место, где будет продолжаться общение с Вяч. Ивановым, где будет сохраняться его присутствие, овеянное в его сочинениях, портретах, письмах, черновиках, книгах, незаконченных сочинениях.

С 50-х годов Федор Степун, в эпоху серебряного века бывший гостем петербургской Башни, обдумывал свою итоговую книгу о символизме (“*Mystische Weltanschauung: Fünf Gestalten des Russischen Symbolismus*”, München 1965); посредником в его общении с ивановским архивом была Ольга Шор. Она сохраняла эту роль вплоть до своей смерти, помогая многим; она находила нужные материалы часто как бы по наитию, или обращала к исследователям многостраничные машинописные пространственные послания об ивановском творчестве. Дух дома передавался через интенсивные переписки О. Шор с Алексисом Раннитом, куратором славянской библиотеки Йельского университета (в 1966 г. в Йеле он организовал выставку, посвященную столетию со дня рождения поэта); Романом Гулем, многолетним редактором нью-йоркского “Нового журнала”; профессорами в США Б. Филипповым, В. Марковым.

С 60-х годов начали возобновляться оборвавшиеся с 30-х годов эпистолярные связи с Россией. Вновь стали приходить письма друзей и учеников поэта – семьи М. О. Гершензона – Чегодаевых, семьи Эрн, М. С. Альтмана, В. А. Мануйлова; “отмененное историей” прошлое неожиданно вновь стало актуальным и соприкоснулось с настоящим. (Один из авторов этих строк вспоминает, как с волнением и гордостью рассказывал В. А. Мануйлов в ближнем кругу о том, что в брюссельском собрании сочинений Вяч. Иванова воспроизведена бакинская фотография поэта с его учениками, где студент Мануйлов сидел ближе всех к учителю; оригинал ее висел у изголовья Мануйлова).

В 1960-х – 70-х годах гостями квартиры на Леон Баттиста Альберти делались русисты нового поколения: Алексей Климов (автор первой американской диссертации по материалам РАИ, 1974), Фаусто Мальковати

(автор первой итальянской монографии об эстетике и философии Иванова, 1983), Джеймс Вест (автор первой английской монографии о Иванове, 1971).

Для них, как и для последующих западных исследователей, ивановская квартира на виа Леон Баттиста Альберти стала местом приобщения к миру русского символизма и русской духовной культуры вообще.

В своих же отношениях с Россией дом Иванова приобретал значение не только как прибежище последнего русского символиста, но и как место общения с Ивановым-европейцем, показывающем новые пути для диалога русской и западно-европейской культуры. Продолжением этого двустороннего диалога хотят быть книги мемуаров Лидии (Париж 1990; Москва, 1992) и Дмитрия Ивановых (Швейцария – Франция 1990); последняя книга, созданная по-французски, переведена на русский (СПб. 2000).

До отъезда из старой квартиры на виа Леон Баттиста Альберти, 25, бумаги Вячеслава Иванова хранились более или менее в том порядке, в каком он их оставил. После вынужденного и внезапного переезда в 1986 г. в квартиру в соседнем доме на виа Эрколе Роза, 8, прежнее расположение было полностью утрачено. Встала необходимость разбора и систематизации архива.

Нами была проведена первоначальная систематизация документов. Наибольшее внимание было сосредоточено на поэтических автографах. С участием М. Б. Плюхановой было проведено предварительное текстологическое обследование отдельных автографов и сборников и составлена опись, изданная как препринт, охватывающая около 2-х тысяч единиц (Архив Вячеслава Иванова в Риме/ Сост. А. Б. Шишкин. Выпуск 1. Рим 1996, 135 с.). Описание 16 рабочих тетрадей с поэтическими тетрадями провела научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН О. А. Кузнецова (Материалы к описанию тетрадей стихотворных автографов из Римского архива Вяч. Иванова // Русский модернизм: Проблемы текстологии. / Отв. редактор О. А. Кузнецова. СПб. 2001, с. 232-253).

Систематизацию выявленных прозаических автографов, дополнение их и их описание провела научный сотрудник Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Л. Н. Иванова (Опись римского архива Вячеслава Иванова: Художественные произведения. Статьи, лекции, речи, заметки по темам. Материалы к биографии / Сост. Л. Н. Иванова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997, в печати).

Параллельно в течение десятилетия 1986 – 1996 Д. В. Иванов и А. Б. Шишкин вели формирование эпистолярной коллекции: это папки,

расположенные в алфавитном порядке по именам корреспондентов Вяч. Иванова. Во многих случаях папки включают двухстороннюю корреспонденцию (письма Вяч. Иванова в копиях или оригиналах присылались нам по нашей просьбе из разных хранилищ). Некоторые папки разрастались до размеров персонального архива корреспондента; в них включались материалы, касающиеся жизни и деятельности данного лица. Систематизацию материалов в папках взяла на себя М. С. Плюханова. Некоторые папки кратко описаны в препринте 1996 г., там же приведен список итальянских, немецких, английских, швейцарских и французских корреспондентов (предварительный список папок, с. 131–135). Дополнение и описание русской части этой коллекции осуществила Л. Н. Иванова (Опись римского архива Вячеслава Иванова / Сост. Л. Н. Иванова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998, в печати).

Научно-исследовательскую работу с немецкими переписками предпринял проф. Принстонского университета М. Вахтель, который в ходе работы в РАИ и других европейских и прочих архивах восстановил и опубликовал ряд двухсторонних переписок (*Vjačeslav Ivanov. Dichtung und Briefwechsel aus dem Deutschsprachigen Nachlass. Herausgegeben von Michael Wachtel. Mainz, 1995 317 с.*).

В настоящее время РАИ функционирует как исследовательский центр, призванный способствовать изучению наследия Вяч. Иванова в России и в мире, представлять культуру русского символизма в Риме и служить делу диалога западной и восточной культурной традиции.

Утверждению роли Римского архива как исследовательского и культурного центра служит последовательность международных ивановских конференций, организованных в сотрудничестве с разными университетами мира – в Йеле, США (1981), Риме (1983), Павии (1986), Гейдельберге (1989), Женеве (1992), Будапеште (1995), Вене (1998), Риме (2001).

Решением Д. В. Иванова РАИ остается частной организацией; материалы его не подлежат рассредоточению и не должны покидать стен Рима.

